

Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг.

Со второй половины XX в. миграционные процессы приобрели особую интенсивность во всем мире. В первую очередь, это движение с целью заработка из трудоизбыточных районов в трудонедостаточные, преимущественно в индустриальные центры. Основную выгоду от миграций получили города, так как именно благодаря этим процессам происходил значительный рост городского населения. С другой стороны, большой приток неорганизованного населения породил проблемы в области городской среды, в которой мигранты оказываются чужеродными включениями, и обе системы вынуждены адаптироваться друг к другу в ходе взаимодействия [38].

Ангаро-Енисейский регион в рассматриваемый период стал местом широкомасштабного освоения природных ресурсов, строительства и роста промышленного производства, которое начинается в 1950-е гг. и продолжается с наращиванием объёмов до середины 1980-х гг. Недостаток рабочей силы и квалифицированных специалистов обусловил политическую линию на переброску трудоспособного населения с запада на восток. И хотя перевод по службе и распределение после ВУЗа имели место, но основную массу переселенцев составляли добровольцы. В качестве стимула для них использовались повышенные, по сравнению с европейской частью России, зарплаты, решение жилищного вопроса и улучшенное снабжение.

Однако несмотря на все усилия обеспечить комфортные условия труда и быта в регионе не удалось, что обусловило интенсивную возвратную миграцию с востока на юг и запад.

Проблема миграций изучается специалистами многих направлений. В первую очередь, нужно назвать работы географов и социологов. Первый труд, освещающий вопросы миграции в Красноярском крае принадлежит В.В. Переведенцеву и Ж.А. Зайончковской. В дальнейшем область их исследований охватывает всю страну, а результаты не теряют актуальности и сегодня [6, 8, 23, 24]. Широкое развитие миграционных исследований в контексте социологии, географии, демографии происходит в 1970–1980-х гг. В это время издаются труды новосибирских учёных Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова [17], иркутского учёного В. В. Воробьёва [2, 3], посвящённые населению Сибири и, особенно, Восточной её части. Одним из аспектов работ является изучение миграционного движения. В дальнейшем это направление получило развитие в исследованиях специалистов Института Географии СО АН.

Со второй половины 1970-х гг. стали проводиться постоянные социологические обследования, результаты которых обобщались в Социальном паспорте региона. В публикации представлена информация о количестве мигрантов, их происхождении, целях приезда и выезда, удовлетворённости материальным обеспечением и др. Несмотря на инструментальный подход, получены вполне адекватные выводы [34].

В 1980-е гг. выходят работы Л.Л. Рыбаковского, позволяющие отойти от традиционных взглядов на миграцию как поставку трудовых ресурсов [28, 29]. Он также составил и первую историографию миграционных исследований в России. Также в это время начинается публикация трудов замечательного социолога Г.Ф. Куцева, который начал свою карьеру в Иркутске, продолжил в Красноярске и затем уехал в Западную Сибирь. Его публикации раскрывают

социальную сторону жизни городов, в том числе включают и характеристику миграционного движения, причины приезда и отъезда. Наиболее популярны среди историков работы, посвященные молодым городам и Северу [15, 16].

Также привлекают внимание труды коллектива новосибирских авторов под руководством Т. Заславской, раскрывающие проблему упадка деревни в условиях урбанизации [9].

Сегодня интерес к миграциям наблюдается во всех крупных научных центрах. Например, данные процессы активно изучаются в Екатеринбурге, где в последние несколько лет проводились международные конференции высокого теоретического уровня с широким географическим охватом [10]. Заметим, что если в советский период темой миграций интересовались прежде всего социологи и речь шла преимущественно о внутренних явлениях, то в XXI в. проблематика рассматривается чаще в политологическом ключе, и речь идёт об этнической миграции и процессах глобального характера.

Историки обратились к проблемам миграций в 1980-х гг. Тема рассматривалась преимущественно в контексте общих исследований социальных и демографических процессов. В первую очередь, следует назвать работы А.С. Сенявского [30, 31], которые служат теоретической основой для исторических исследований в области урбанистики. Для нас представляет интерес его тезис о том, что в рассматриваемый период урбанизация переходит от экстенсивной стадии к интенсивной. Миграции сыграли в этом процессе немаловажную роль.

Ценный вклад в историю населения России и, в том числе, миграционных процессов, внёс трёхтомник "Население России в XX в.: Исторические очерки", изданный в 2000-х гг. [19–21] Рассматривая динамику демографических изменений по периодам, определённым Всесоюзными переписями населения, коллектив авторов обращается не только к общероссийским, но и к региональным процессам, что позволяет проводить сравнительный анализ ситуации в центре и на периферии. Обобщающие выводы служат надёжной основой для начала специальных исторических исследований.

Не менее интересна коллективная монография "Россия и её регионы в XX в.: территория – расселение – миграции" [27], в которой подробно рассмотрены основные аспекты внутренних и внешних миграционных движений XX в. В том числе и на сибирской территории.

Исследование миграций в Сибири было начато новосибирскими историками. Среди коллективных трудов под эгидой Института Истории СО РАН следует назвать "Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.", где на длительном историческом периоде рассматривается территориальное движение населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Отдельная глава посвящена внешней миграции из Китая [18].

В Екатеринбурге проблемы миграции в общем контексте демографической истории Урала в XX в. исследует Г.Е. Корнилов [12, 13]. Широкий спектр трудов от теоретических основ исторического исследования до современных вопросов миграций сельского населения принадлежит О.В. Горбачёву [4, 5].

Красноярские историки также уделили внимание этому вопросу. В частности проблема миграции село-город в 1960–1980-х гг. подробно рассмотрена в монографии и ряде статей Л.Н. Славиной на материалах Восточной Сибири [32, 33]. Среди работ, специально посвящённых миграционной ситуации в Красноярском крае, можно назвать статьи В.И. Полиновского и Бегизардова [1, 26]. Заслугой первого автора является историографический анализ проблемы относительно территории Красноярского края. Я.Н. Бегизардов рассмотрел взаимосвязь механического и естественного прироста населения.

В Иркутске в 2013 г. была опубликована коллективная монография "Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков" под редакцией В.И. Дятлова [25]. Книга посвящена преимущественно изучению этнической миграции. В том же году была защищена кандидатская диссертация Т.А. Урожаевой, исследующая миграционное движение в новые города Иркутской области в 1970–1980-х гг. [37] Миграция рассматривается как источник формирования городского населения и важнейший фактор изменения его социально-демографического состава. Главную роль играло внутреннее перемещение село-го-

род. Отмечается, что для региона была характерна высокая социальная, профессиональная и территориальная мобильность. Важным элементом работы являются обширные приложения с собранными в таблицы и диаграммы статистическими данными.

Важную роль в понимании миграционных процессов играют работы историков ДВО РАН. В частности большой интерес представляют труды к.и.н. Л.А. Крушановой. В её монографии, посвящённой миграционной политике, рассматриваются не только реалии Дальнего Востока, но и общегосударственные процессы. В общем контексте уделено внимание и Красноярскому краю [14].

Таким образом, несмотря на то, что тема исследована фрагментарно, по ней существует достаточно обширная историография. Тем не менее, обобщения материала применительно к Ангаро-Енисейскому региону пока никто не осуществил.

Выделим несколько приоритетных позиций, обоснованных Ж.А. Зайончковской, В.И. Переведенцевым, Л.Л. Рыбаковским, А.С. Сеньявским, Г.Ф. Куцевым, которые служат основами работы:

1. Индустриализация, миграция и урбанизация – процессы, находящиеся в генетической связи. Они взаимообусловлены и не могут происходить независимо друг от друга.

2. Долговременное сдерживание естественных процессов развития социальными и политическими катаклизмами (революция, войны, репрессии), с одной стороны, с другой стороны – политика ускоренного освоения природных ресурсов и наращивания промышленного потенциала Сибири и Дальнего Востока, когда одновременно возводились тысячи крупных объектов, обусловили не только высокие темпы индустриализации региона, но и потребовали стимулирования миграционного движения для обеспечения трудовых ресурсов. Значительный приток людей потребовал создания социальной инфраструктуры, узлами которой стали города. Это определило стремительный характер урбанизационного перехода.

3. Приток и отток мигрантов это не производственные проблемы, которые требуют административной регуляции, как считали в 1960–1970-х гг., а аспекты миграционного движения как единого живого процесса.

Цель работы – определение характерных черт и специфики миграций в Ангаро-Енисейском регионе во второй половине XX в.

По направлениям движения в нашем регионе не наблюдается никаких отличий от мировых и общероссийских процессов. Во внутренней миграции идёт движение село-город (основной поток), город-город (преимущественно из малых городов – в крупные) и город-село (преимущественно миграция возвратного характера, самый малый поток). Кроме того можно выделить движение на север (за заработком в трудоспособном возрасте) и на юг (на пенсии, с целью улучшения качества жизни).

Табл. 1. Соотношение различных видов миграций в Ангаро-Енисейском регионе на 1970 г.

Регион	Всего	в том числе приехавшие			
		в городскую местность		в сельскую местность	
		из городских поселений	из сельской местности	из городских поселений	из сельской местности
Красноярский край	327,9	122,0	89,9	45,1	70,9
Иркутская область	234,1	106,9	71,6	27,6	27,9
Тувинская АССР	24,5	6,4	7,7	3,2	7,2
Итого	586,5	235,3	169,2	75,9	106

Авторы единодушны в том, что основным ресурсом рабочей силы на стройках и предприятиях стали выходцы из сельской местности, что негативно сказалось на развитии деревни. В Восточной Сибири в 1959–1970 гг. механический прирост обеспечил 53% общего прироста населения. Причём в 1969–1972 гг. в Иркутской области 63%, а в Красноярском крае 50% выходцев из сельской местности направились в города внутри региона [2, с. 48–50; 36, с. 180–181].

По данным переписи 1970 г. в Ангаро-Енисейском регионе миграционные направления выглядели следующим образом (см. таблицу 1):

Согласно таблице 1, наибольшее количество мигрантов принимает Красноярский край. Большинство перемещений приходится на позицию город – город, причём если в Красноярском крае это более 30%, то в Иркутской области – 45%, в Тувинской АССР – 40%. Различие объясняется формированием в Красноярском крае моноцентрической агломерации, когда малый город как промежуточный элемент миграции село – крупный город не играет особой роли. Сказывалась и закрытость отдельных городов. В Иркутской области, наоборот полицентрическая агломерация, включающая ряд городов-новостроек, определила активную межгородскую миграцию. Для Тувинской АССР главную роль играли миграции между региональными центрами – Красноярск-Абакан-Кызыл. Строительство Саянского ТПК позднее включит в эту зону Минусинск, Черногорск и Саяногорск.

Позиция село-город составляет в среднем около 30% и не имеет особой территориальной дифференциации. Это отражение процесса переселения из сельской местности в города. Передвижение город-село и село-село включают гораздо меньший объём мигрантов – менее 20%. Красноярский край и здесь оказывается лидером в силу благоприятных условий для сельскохозяйственной деятельности на юге.

Во внешней миграции господствует направление на запад (с целью улучшения качества жизни) и на восток (за заработком в трудоспособном возрасте). Что касается приезда иностранцев, то здесь нужно указать, что самый большой объём приняли интернациональные комсомольские стройки Усть-Илимск и БАМ в 1970-х гг.

По прибытию в Восточной Сибири внутриобластная миграция составляла 45,5%, межобластная 36,9%, межреспубликанская 17,6%. По выбытию внутриобластная составляла 45,0%, межобластная 33,9%, межреспубликанская 21,1%. Из других регионов основной приток давали Дальний Восток, Западная Сибирь и Урал, а также север Европейской части России. Определённый вклад вносили Украина, Белоруссия и Казахстан [2, с. 45, 52 – 59].

Также общим явлением было то, что среди мигрантов преобладали молодые люди от 16 до 30 лет. Причём движение можно разделить и по поколенческому подходу: в молодом возрасте движение на север и восток за приключениями, новыми социальными связями, уникальным жизненным опытом; в зрелом возрасте, в том же направлении с целью решения материальных вопросов; в пожилом возрасте на запад и на юг с целью повышения жизненного комфорта и возвращения в родные места [15, с. 42–44].

Однако материалы позволяют выявить и аспекты региональной специфики.

В первую очередь укажем высокую интенсивность миграции на территории региона, которая была отмечена Зайончковской и Переведенцевым. В

Табл. 2. Соотношение различных видов миграций в Ангаро-Енисейском регионе на 1970 г.

	Из города	Из села	Неизвестно	Всего
Прибыло	93837	71266	26913	192016
Выбыло	104809	40655	15408	160872
МП	-10972	+30611	+11505	+31144

Источник: (ГАКК Ф. Р-1300, Оп. 2, Д. 6276, Л. 1, 1об, 7, 7об, 13, 13об, 19, 19об).

работах 1960-х гг. они пишут, что доля ежегодно обновляющегося населения городов в Красноярском крае примерно в полтора раза больше среднего по РСФСР [7, с. 83]. Для 1970-х гг. эту тенденцию применительно ко всей Восточной Сибири зафиксировали В. В. Воробьёв, а также Е. Д. Малинин и А. К. Ушаков. В 1970–1980-х гг. – Г.Ф. Куцев [2, с. 41–43; 17, с. 77; 15, с. 41–44].

В рассматриваемый период на карте региона появились 10 городов-новостроек и несколько десятков посёлков городского типа, а в староосвоенных населённых пунктах, имеющих промышленное значение, приток мигрантов значительно превысил естественный прирост, в итоге население в среднем на 30% состояло из мигрантов.

А.И. Тимошенко, на примере КАТЭКа за 1956–1983 гг. показывает, что наивысший приток мигрантов приходился на период активизации производственного строительства. Механический прирост населения сопровождается и более высоким уровнем рождаемости. Одновременно фиксируется и меньшая смертность, так как приезжают преимущественно молодые здоровые люди. В итоге получается высокий естественный прирост. Так в 1950-х гг. в Бородино и Назарово, а в начале 1980-х гг. в Шарыпово цифры механического и естественного прироста намного превосходили средние региональные и союзные показатели. То же самое фиксируется в указанный период и в Братско-Усть-Илимском комплексе [36, с. 174–176].

Условия труда и быта в регионе были значительно хуже, чем в западных и южных районах страны, поэтому закрепить мигрантов на местах удавалось редко. Так в Иркутской области в 1969–1972 гг. только 14% новосёлов остались на постоянное жительство. Самыми подвижными были мигранты с запада, наименее мобильными – переселенцы из внутренних сельских территорий. Как отмечают исследователи, с 1959 по 1973 гг. миграционный отток поглотил более 11% естественного прироста Восточной Сибири. При этом наибольший отток наблюдался в южные и западные города, а также в Казахстан, Украину и Белоруссию [17, с. 77; 7, с. 86; 2, с. 57, 68].

Можно выделить хронологические этапы миграционного движения, напрямую связанные с промышленным освоением региона:

Середина 1950-х – начало 1960-х гг. Фокус капиталовложений и индустриального роста приходится на Красноярский край и Иркутскую область, где возводятся промышленные комплексы, идёт рост числа городов. Это сразу даёт приток мигрантов и увеличение городского населения. В Иркутской области строятся Братская ГЭС, Иркутский и Братский алюминиевые заводы, Ангарский нефтехимический завод. В Красноярском крае это время – развитие ЗАТО, куда доступ мигрантов был значительно ограничен. Наибольший приток мигрантов был в г. Красноярск и горнопромышленные посёлки [7, с. 89–90]. Высокая миграционная активность наблюдалась в Норильске, даже возник вопрос об ограничении приезда в силу невозможности обеспечить всех желающих работой и жильём. Также значительный приток мигрантов наблюдается в южных районах – зоне освоения целинных земель. Несмотря на нехватку жилой площади миграционный отток не так высок, как приток.

Приведём в качестве примера ситуацию на 1960 г., являющуюся хорошей иллюстрацией по показателям для указанного этапа (см. таблицу 2).

Табл. 3. Миграционное движение по 7 молодым городам Иркутской области за 1970–1984 гг. (тыс. чел.)

Год	Прибыло	Выбыло	МП
1970 – 1974 гг.	256,9	195,9	61
1975 – 1979 гг.	276,9	226,7	50,2
1980 – 1984 гг.	216,2	195,5	20,7
Итого	750	618,1	131,9

Источник: рассчитано по: [37, приложение III]

Табл. 4. Основные пути формирования трудовых ресурсов новых городов Восточной Сибири (в % к числу опрошенных)

Формы переезда	Города и рабочие посёлки		
	Звёздный, Магистральный	Усть-Илимск	Саяногорск
Приехали самостоятельно и оформились на месте	35,0	35,3	37,0
Переведены с другой стройки	8,6	6,0	12,0
Приехали по комсомольской путёвке	39,3	40,5	30,0
Направлены на работу после окончания учебного заведения	7,4	10,8	13,0
Прибыли по оргнабору	3,8	3,6	2,8
Другие формы	5,9	3,8	5,2

Источник: [15, с. 42–44, 46].

Как видим, обмен город-город имеет наивысшие показатели миграционного обмена 48,8% по прибытию и 65,1% по выбытию и в итоге теряется 26% новосёлов за счёт оттока. Однако мигранты по позиции село-город с успехом восполняют эту брешь и обеспечивают миграционный прирост.

1960-е – начало 1970-х гг. Активное строительство и промышленный рост в Красноярском крае и Иркутской области. Строительство Красноярской ГЭС и алюминиевого завода привлекло много молодёжи. В это время наблюдается максимум роста городского населения за счёт механического притока. Увеличивается население, как в региональных центрах, так и в молодых городах. Вне этих процессов оказываются только территории, находящиеся на периферии экономического развития. Новый этап экономического подъёма на Севере, связанный с освоением месторождений Талнаха. Растёт и миграционный отток.

Исследование Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН миграций населения в городах Сибири выявило, что подавляющее большинство выбывающих из них – это неприжившиеся новосёлы. Обследование ряда быстрорастущих городов Красноярского края показало, что две трети выбывших из них людей переселились в эти города не ранее трёх лет до выезда. Миграционная подвижность этой части населения оказалась в три раза выше подвижности тех, кто прожил в этих городах более трёх лет. Самыми подвижными оказываются переселенцы данного года: в ряде случаев до 1/3 всех переселенцев выбывают в течение года. Это объясняется, в первую очередь, худшими условиями жизни новосёлов и отсутствием социальных и экономических связей с территорией [24, с. 60].

В. В. Воробьёв отмечает, что в Восточной Сибири на 1000 жителей приходится 95–100 приезжающих и почти столько же выезжающих. Согласно переписи 1970 г. среди жителей Иркутской области только 12% городского населения и 18% сельского проживает в регионе более 25 лет, свыше 10 лет – 42,2 и 49%, до 3-х лет – 20,7 и 18,2% [2, с. 41–43]. В Красноярском крае наблюдается похожая динамика, хотя процент оседлости здесь несколько ниже, что подчёркивает транзитную роль региона. Так, по городским поселениям 22% проживают менее трёх лет, свыше 10 лет – 34,7% и более 25 лет 10,5% (ГАКК. Ф. Р-1300, оп. 7, Д. 112, Л. 1)¹.

1970-е – начало 1980-х гг. Время красноярской десятилетки. Миграционный приток из деревни несколько снижается, зато увеличивается движение город – город [22, с. 103]. Новый этап освоения Северного морского пути и строительство БАМ притягивает миграционные потоки на Север Красноярского края и в Иркутскую область. По данным Ж. А. Зайончковской только в

¹ ГАКК – Государственный архив Красноярского края

этот период Восточная Сибирь вышла на уровень положительного миграционного прироста [6, с. 7].

Наивысшая концентрация мигрантов в Красноярском крае наблюдается в зоне КАТЭКа, а так же строительства Саяно-Шушенской ГЭС и СаАЗа. В Красноярском крае в 1972 г. в городских поселениях зафиксирован максимальный механический прирост за период – 26,1 тыс. чел., при этом половина приходится на г. Красноярск. Однако его не нужно переоценивать. При высоких цифрах миграционного притока процент оседания был не высок – 12–20%. (ГАКК. Ф Р-1300. Оп. 12, Д. 385, Л. 7, 8; Оп. 5, Д. 2761. Л. 1, 4, 6; Д. 2772, Л. 1, 1об).

В Иркутской области ситуация была похожей. Рассмотрим динамику миграционного движения, там, где показатели достигали максимальных величин – на примере молодых городов (таблица 3).

Таблица наглядно показывает, что, несмотря на небольшие подъёмы и спады, в целом миграционные волны выглядят достаточно стабильно. При этом сальдо миграции снизилось в три раза.

По территориальным особенностям миграции можно указать, что наивысшей привлекательностью характеризуются города в районах нового освоения и промышленного строительства всесоюзного масштаба. На втором месте – региональные центры.

По причинам миграции на первом месте романтические мотивы, однако, в конце периода они уступают рациональному подходу. По вариантам организации миграции интересно отметить, что если в 1950-х гг. преобладали формы государственно организованной миграции (например, оргнабор), то в конце 1970-х гг. значительно увеличивается доля самостоятельного перемещения. Так, Г.Ф. Куцев [15, с. 42–44, 46] отмечает для новых поселений Восточной Сибири следующую ситуацию (таблица 4):

Как следует из таблицы, процент прибывших самостоятельно и приехавших по комсомольской путёвке очень близок. Оргнабор же играет совсем небольшую роль. В. В. Воробьёв объясняет ситуацию сознательного отказа от этой формы тем, что люди, приехавшие по оргнабору, часто уезжают, даже не отработав оговорённый срок, в то время как те, кто приехал самостоятельно, оказываются более надёжным кадровым резервом [2, с. 65].

Таблица позволяет заключить, что большее количество опрошенных предпочитают указывать романтические мотивы. Практическую мотивацию указали менее 30%. Причём параметры внешней и внутренней миграции различаются незначительно (ГАКК. Ф. Р-1300, Оп.7, Д. 113, Л. 15–16).

Представляет интерес сравнение причин выезда из региона на длительном промежутке времени (таблица 6).

Табл. 5. Основные мотивы переселения мигрантов в новые города Восточной Сибири (в % к числу опрошенных)

Мотивы переезда	Города и рабочие посёлки		
	Звёздный, Магистральный	Усть-Илимск	Саяно-горск
Желание принять участие в большой и важной стройке	61,5	50,8	50,2
Стремление получить другую профессию, работу более высокой квалификации	7,1	20,7	21,0
Интерес к новым местам	26,0	28,0	23,6
Материальная заинтересованность	24,2	28,0	18,0
Семейные обстоятельства	10,7	15,0	21,1
Другие обстоятельства	4,9	8,4	11,7

Источник: [15, с. 42–44, 46]

Табл. 6. Основные причины выезда из городов Красноярского края в 1960–1970-е гг. (% к числу опрошенных)

	1960-е	1970-е
неудовлетворённость зарплатой	18,6	9,2
неудовлетворённость условиями и характером труда	14,4	12,1
недостаток жилья	12,1	20,1
недостаток мест в детских учреждениях	4,2	2,2
климат	26,6	12,2
прочее	49,0	52,4

Источник: рассчитано по: [8, с. 67; 35, с. 21]

Как следует из таблицы, за 10 лет ситуация изменилась. Например, несколько улучшились условия труда и увеличилось количество мест в детских учреждениях. Снизились претензии по зарплате и климату. Конечно, климат не стал мягче, просто улучшились жилищные условия. При этом потребность в жилье, как видим, резко увеличилась. И это в то время, когда строительство жилых домов вышло на максимальные рубежи. С одной стороны, действительно, приток мигрантов намного превышал наличное количество квартир. Но гораздо важнее то, что повысились требования людей к жилищным условиям. Здесь прямая иллюстрация к тезису "предложение рождает спрос". Если в 1950-е–1960-е гг. мигранты соглашались на любые условия проживания и койко-место в общежитии либо угол в бараке были достаточными, то в 1970-х гг. уже работник ставит вопрос о благоустроенном жилье. Среди городов края чаще всего неудовлетворённость жилищем называли в Дивногорске (26,8%), Норильске (24,8%). Недостаток дошкольных учреждений больше всего испытывали в Красноярске [34, с. 23–24].

Подобные аспекты не являются уникальными, так как такую же ситуацию можно наблюдать в тот же период в Западной Сибири в районах освоения нефти и газа [35]. Более того, приток мигрантов в Западную Сибирь, на всем протяжении рассматриваемого времени, был выше, чем в Восточную, более высоким был и процент приживаемости [17, с. 89–91; 36, с. 171–173].

Таким образом, миграционные процессы в Ангаро-Енисейском регионе отражают общесоюзную динамику и общемировые тенденции. Преобладающая миграция село-город и малый город – крупный город является показателем развития индустриального общества. Для региона миграционный приток имел огромное значение не только в качестве поставки трудовых ресурсов, но и как градообразующий фактор. Причём именно маятниковые процессы запад-восток способствовали развитию городской среды, так как это был один из немногих относительно независимых от государства каналов обмена информацией. Для сельской местности миграция село-город носила разоряющий характер, о чем неоднократно уже было сказано специалистами. Интересно, что при большом объёме миграционных потоков сальдо миграций было минимальным, поэтому главным результатом следует признать не увеличение населения, а включение территории региона в урбанизационные процессы.

Литература

1. Бегизардов Я.Н. Миграция и рождаемость городского населения Красноярского края // Актуальные вопросы истории Сибири // [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/10.html> (дата обращения: 6.05.2017).
2. Воробьёв В.В. Население Восточной Сибири. Новосибирск, 1977. 158 с. Воробьёв В.В. Роль миграции в формировании населения БИ ТПК// Пути повышения эффективности использования трудовых ресурсов Иркутской области. Иркутск, 1979. С. 86–91.

3. Горбачёв О.В. Миграционная статистика второй половины XX – начала XXI вв. как исторический источник // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2. С. 159–164.
4. Горбачёв О.В. Миграция населения в историческом дискурсе: возможности и ограничения теоретических интерпретаций // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. редактор В. В. Алексеев. Екатеринбург: 2015. С. 42–48.
5. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
6. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. К вопросу о современных миграционных связях населения Красноярского края // География населения Восточной Сибири. М., 1962. 163 с.
7. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. 106 с.
8. Заславская Т.И. Миграция сельского населения. М., 1970. 348 с.
9. "Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования". Екатеринбург, УРФУ, 2015. [Электронный ресурс].
10. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. 192 с.
11. Корнилов Е.Г. Миграции сельского населения Урала в XX веке // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. IX–XX вв. Тамбов: ТУХМ, 2000. С. 48–57.
12. Корнилов Е.Г. Роль миграции в формировании населения Урала в первой половине XX века // Проблемы исторической демографии Сибири. Сб. науч. трудов. Вып. 1. Новосибирск: СО РАН, 2010. С. 164–177.
13. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.). Отв. ред. А.С. Вашук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 268 с.
14. Куцев Г.Ф. Новые города. М., 1982. 268 с.
15. Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. 217 с.
16. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. Новосибирск, 1976. 168 с.
17. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.: Новосибирск, 2011. 392 с.
18. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. 416 с.
19. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т. 3, кн. 1: 1960–1979. М., 2005. 304 с.
20. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т. 3, кн. 2: 1980–1990. М., 2011. 295 с.
21. Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? М., 1989. 208 с.
22. Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени. М., 2010. 53 с.
23. Переведенцев В.И. Различия в условиях жизни новосёл и старожилов сибирских городов (на примере Красноярска и Новосибирска) // Проблемы повышения уровня жизни населения Сибири. Новосибирск, 1965.
24. "Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков". Иркутск, 2013. 624 с.
25. Полиновский В.И. Миграция населения Красноярского края в 1960–1980-х гг.: историографический аспект // [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/Poljanovskii.rtf>. (дата обращения: 5.05.2017).
26. Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. 816 с.
27. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. 200 с.
28. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003 // [Электронный ресурс]. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (дата обращения: 5.05.2017).
29. Сенявский А.С. Российский город в 1960–1980-е гг. М., 1995. 263 с.
30. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. 288 с.
31. Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2005. № 7. С. 316–323.
32. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 472 с.
33. Социальный паспорт Красноярского края. Красноярск, 1977. 166 с.
34. Стась И. Н. Миграция в процессе урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е – начало 1990-х гг.) // Вестник ВятГУ. 2015. № 11 С. 65–73.
35. Тимошенко А.И. Миграционная политика в СССР и формирование кадрового потенциала районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. //

Мобилизационная роль советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920–1980-е гг.). Сб. научных трудов. Новосибирск, 2012. С. 180–181.

36. Урожаева Т.А. Миграция и адаптационные процессы в новых городах Иркутской области в 1970–1980-е годы. Дисс... канд. истор. наук. Иркутск, 2013.

37. Philip Rees, Martin Bell, Marek Kupiszewski, Dorota Kupiszewska, Philipp Ueffing, Aude Bernard, Elin Charles-Edwards and John Stillwell. The Impact of Internal Migration on Population Redistribution: an International Comparison // *Popul. Space Place* (2016) Published online in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com) DOI: 10.1002/psp.2036.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Begizardov YA.N. Migratsiya i rozhdanost' gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraja // *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* // [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/10.html> (data obrashheniya: 6.05.2017).

2. Vorob'yov V.V. Naselenie Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk, 1977. 158 s. Vorob'yov V.V. Rol' migratsii v formirovanii naseleniya BI TPK//Puti povysheniya ehffektivnosti ispol'zovaniya trudovykh resursov Irkutskoj oblasti. Irkutsk, 1979. S. 86–91.

3. Gorbachyov O.V. Migratsionnaya statistika vtoroj poloviny XX – nachala XXI vv. kak istoricheskij istochnik // *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 2. S. 159–164.

4. Gorbachyov O.V. Migratsiya naseleniya v istoricheskom diskurse: vozmozhnosti i ogranicheniya teoreticheskikh interpretatsij // *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.: sb. nauch. st. / FGBUN Institut istorii i arkheologii UrO RAN. Otv. redaktor V. V. Alekseev. Ekaterinburg: 2015. S. 42–48.*

5. Zajonchkovskaya ZH.A. Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: ehvolyutsiya skvoz' kataklizmy // *Problemy prognozirovaniya*. 2000. № 4. S. 3–15.

6. Zajonchkovskaya ZH.A., Perevedentsev V.I. K voprosu o sovremennykh migratsionnykh svyazyakh naseleniya Krasnoyarskogo kraja // *Geografiya naseleniya Vostochnoj Sibiri*. M., 1962. 163 s.

7. Zajonchkovskaya ZH.A., Perevedentsev V.I. Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja. Novosibirsk, 1964. 106 s.

8. Zaslavskaya T.I. Migratsiya sel'skogo naseleniya. M., 1970. 348 s.

9. "Identichnost' i migratsiya v menyayushhemsya mire: metodologiya, opyt ehmpiricheskogo issledovaniya". Ekaterinburg, URFU, 2015. [Электронный ресурс].

10. Korel' L.V. Peremeshheniya naseleniya mezhdur godom i selom v usloviyakh urbanizatsii. Novosibirsk, 1982. 192 s.

11. Kornilov E.G. Migratsii sel'skogo naseleniya Urala v XX veke // *Osobennosti rossijskogo zemledeliya i problemy rasseleniya. IX–XX vv. Tambov: TUKHM, 2000. S. 48–57.*

12. Kornilov E.G. Rol' migratsii v formirovanii naseleniya Urala v pervoj polovine XX veka // *Problemy istoricheskoj demografii Sibiri. Sb. nauch. trudov. Vyp. 1. Novosibirsk: SO RAN, 2010. S. 164–177.*

13. Krushanova L.A. Migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke (seredina 1940-kh – 1970 e gg.). Otv. red. A.S. Vashhuk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. 268 s.

14. Kutsev G.F. Novye goroda. M., 1982. 268 s.

15. Kutsev G. F. Chelovek na Severe. M.: Politizdat, 1989. 217 s.

16. Malinin E.D., Ushakov A.K. Naselenie Sibiri. Novosibirsk, 1976. 168 s.

17. Migratsii naseleniya Aziatskoj Rossii: konets XIX – nachalo XX vv.: Novosibirsk, 2011. 392 s.

18. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. / T. 2. 1940–1959. M., 2001. 416 c.

19. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. / T. 3, kn. 1: 1960–1979. M., 2005. 304 c.

20. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. / T. 3, kn. 2: 1980–1990. M., 2011. 295 c.

21. Perevedentsev V.I. Kakie my? Skol'ko nas? M., 1989. 208 s.

22. Perevedentsev V.I. Migratsiya v ritme vremeni. M., 2010. 53 s.

23. Perevedentsev V.I. Razlichiya v usloviyakh zhizni novosyolov i starozhilov sibirskikh gorodov (na primere Krasnoyarska i Novosibirska)//*Problemy povysheniya urovnya zhizni naseleniya Sibiri*. Novosibirsk, 1965.

24. "Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov". Irkutsk, 2013. 624 s.

25. Polinovskij V.I. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 1960–1980-kh gg.: istoriograficheskij aspekt // [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/Poljanovskij1.rtf>. (data obrashheniya: 5.05.2017).

26. Rossiya i eyo regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii. M., 2005. 816 s.
27. Rybakovskij L.L. Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika. M., 1987. 200 s.
28. Rybakovskij L.L. Migratsiya naseleniya (voprosy teorii). M., 2003 // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (data obrashheniya: 5.05.2017).
29. Senyavskij A.S. Rossijskij gorod v 1960–1980-e gg. M., 1995. 263 s.
30. Senyavskij A.S. Urbanizatsiya Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom protsesse. M., 2003. 288 s.
31. Slavina L.N. Migratsiya i razvitie sel'skogo naseleniya Vostochnoj Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg. // Vestnik KrasGAU. 2005. № 7. S. 316–323.
32. Slavina L.N. Sel'skoe naselenie Vostochnoj Sibiri (1960–1980-e gg.). Krasnoyarsk, 2007. 472 s.
33. Sotsial'nyj pasport Krasnoyarskogo kraja. Krasnoyarsk, 1977. 166 s.
34. Stas' I. N. Migratsiya v protsesse urbanizatsii KHanty-Mansijskogo okruga (1960-e – nachalo 1990-kh gg.) // Vestnik VyatGGU. 2015. № 11 S. 65–73.
35. Timoshenko A.I. Migratsionnaya politika v SSSR i formirovanie kadrovogo potentsiala rajonov novogo promyshlennogo osvoeniya Sibiri v 1950–1980-e gg. // Mobilizatsionnaya rol' sovetskogo gosudarstva v khozyajstvennom osvoenii Sibiri (1920–1980-e gg.). Sb. nauchnykh trudov. Novosibirsk, 2012. S. 180–181.
36. Urozhaeva T.A. Migratsiya i adaptatsionnye protsessy v novykh gorodakh Irkutskoj oblasti v 1970–1980-e gody. Diss... kand. istor. nauk. Irkutsk, 2013.
37. Philip Rees, Martin Bell, Marek Kupiszewski, Dorota Kupiszewska, Philipp Ueffing, Aude Bernard, Elin Charles-Edwards and John Stillwell. The Impact of Internal Migration on Population Redistribution: an International Comparison // Popul. Space Place (2016) Published online in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com) DOI: 10.1002/psp.2036.

Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг.

Миграция – важнейший фактор социальной динамики. Развитие городов невозможно без миграционной активности населения. В Красноярском крае во второй половине XX в. миграционные процессы обусловили стимулирование всех сфер жизнедеятельности, что способствовало не только успешному развитию экономики, но и создало условия для роста городов. В результате индустриальный город становится фокусом миграционных потоков, которые постоянно обновляют его население. Города края были очень привлекательны для сельской молодежи, которая сформировала значительную группу в городском социуме.

Ключевые слова: миграция, Ангаро-Енисейский регион, город, население, урбанизация

Gonina N.V. Characteristic features of migratory processes and their role in an urbanization of the Angaro-Eniseysky region in the second half of the 1950s – the beginning of the 1980s.

Migration is a most important factor of social dynamics. Development of the cities is not possible without migratory activity of the population. Migratory processes in Krasnoyarsk Krai in the second half of the XX century caused stimulation of all spheres of activity that promoted to successful development of economy and created conditions for growth of urban population. The city industrial becomes focus of migration flows which constantly update its population. The cities of edge were very attractive to rural youth which created considerable group in city society.

Key words: migration, Angaro-Eniseysky region, city, population. urbanization

Для цитирования: Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 125–135. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/125-135

For citation: Gonina N.V. Characteristic features of migratory processes and their role in an urbanization of the Angaro-Eniseysky region in the second half of the 1950s – the beginning of the 1980s // Oikumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 125–135. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/125-135

